

УДК 343.13

О. В. Десятова

*доцент кафедры организации охраны общественного порядка
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ПРИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАДЕРЖАНИИ

Уголовно-процессуальное задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, представляет собой достаточно сложное формирование, в отношении которого в научной литературе и правоприменительной деятельности ведутся споры. В целях соблюдения конституционных прав и свобод человека процедура задержания обязана быть строго регламентированной нормами уголовно-процессуального права. Соответственно, и уведомление о задержании подозреваемого как один из компонентов процедуры задержания должно быть юридически грамотно сформулировано и проверено на практическую реализуемость.

Строго говоря, согласно ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК), уведомление о задержании подозреваемого находится за пределами собственно задержания, которое, как отмечалось ранее, по смыслу взаимосвязанных положений п. 11 ст. 5, ст. 46, ст. 92 УПК следует считать завершенным с момента составления протокола задержания. Однако поскольку уголовно-процессуальный закон включил соответствующую норму в главу 12 «Задержание подозреваемого», рассмотрим некоторые вопросы, возникающие в связи с формулировками ст. 96 УПК [1].

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что УПК (как и Федеральный закон «О полиции») уведомление о задержании подозреваемого рассматривает как право задержанного, которое реализуется путем телефонного разговора с родственниками и иными лицами. Однако как быть в ситуации, если задержанный по каким-либо причинам не использует это право? Корреспондирует ли праву задержанного обязанность должностных лиц уведомлять родственников задержанного и иных лиц о произведенном задержании?

УПК и Федеральный закон «О полиции» по-разному решают этот вопрос. Так, ч. 7 ст. 14 Федерального закона «О полиции» не предусматривает обязанности сотрудника полиции по собственной инициативе уведомлять близких родственников или близких лиц о задержании, указывая, что это может быть сделано только по просьбе задержанного [2].

Согласно ч. 1 ст. 96 УПК, «в случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится дознавателем, следователем» [1].

Учитывая приоритет уголовно-процессуальных норм в этом вопросе, полагаем, что уведомление о задержании по подозрению в совершении преступления — это не только право лица, но и обязанность, возложенная на следователя, дознавателя, которая реализуется этими должностными лицами по собственной инициативе независимо от волеизъявления задержанного. Об обязанности дознавателя, следователя по уведомлению о задержании прямо указано и в ч. 3 ст. 46 УПК.

В ч. 2 ст. 96 УПК указывается, что при задержании подозреваемого, являющегося военнослужащим, об этом уведомляется командование воинской части. Следует заметить, что в содержании данного требования нарушен логический подход к составляющим однотипных правовых норм: в нем не определен срок уведомления, в то время как в ч. 1 и 3 он установлен. Очевидно, что для уведомления о задержании военнослужащего должен быть предусмотрен аналогичный срок. Кроме того, слишком лаконичная формулировка порождает вопрос: следует ли уведомлять о задержании военнослужащего его родственников или достаточно сообщения командованию воинской части? На наш взгляд, одно другого не исключает и в такой процессуальной ситуации для подозреваемого может быть намного важнее уведомление близких людей, способных оказать реальную помощь (к примеру, найти опытного адвоката), чем должностных лиц, для которых задержание подчиненного — факт, отрицательно влияющий на служебные показатели и не подлежащий афишированию. Отдавая в данном случае приоритет интересам подозреваемого, считаем, что рассматриваемая норма должна предусмотреть сообщение о задержании военнослужащего не только его командованию, но и родственникам по аналогии с ч. 1 вышеуказанной статьи.

Представляется не вполне корректным положение, закрепленное в ч. 4 ст. 96 УПК: «При необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление по мотивированному постановлению дознавателя, следователя с согласия прокурора может не производиться, за исключением случаев, если подозреваемый является несовершеннолетним» [1]. Совершенно неясно, почему в законе не оговорен промежуток времени, в течение которого факт задержания может быть сохранен в тайне. Поскольку задержание завершается избранием подозреваемому меры пресечения, следует полагать, что сохранение в тайне факта задержания может

продолжаться до этого момента. Однако, как указывалось ранее, предельный срок задержания может составить до 120 часов с момента фактического задержания. Вряд ли сохранение в тайне факта задержания на такое время можно считать уместным по отношению к близким родственникам подозреваемого, и данное обстоятельство объективно препятствует возможности родственников подозреваемого обеспечить его защитником. Кроме того, непонятно установленное рассматриваемой правовой нормой исключение возможности краткосрочного сохранения в тайне факта задержания несовершеннолетнего подозреваемого: ведь «интересы предварительного следствия» могут присутствовать и в этом случае.

Необходимо отметить, что по смыслу ч. 1 ст. 96 УПК право на один телефонный разговор на русском языке возникает после составления протокола задержания. Таким образом, с момента фактического задержания до момента составления протокола задержания (а данный промежуток времени, как отмечалось ранее, может длиться несколько часов) задержанный безосновательно лишен конституционного права на неприкосновенность частной жизни (извещение родственников или иных близких лиц о своем местонахождении является элементом частной жизни гражданина). Этап фактического задержания состоит, исходя из п. 15 ст. 5 УПК, в фактическом лишении свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Из данного и иных положений уголовно-процессуального закона не усматривается, что на этапе фактического задержания допускается лишение или ограничение каких-либо иных прав лица, в том числе права на телефонные переговоры, хотя понятно, что задержание одной из своих целей имеет полную изоляцию лица, подозреваемого в совершении преступления, от бесконтрольных контактов с внешним миром. Однако одного только понимания данного обстоятельства недостаточно; необходима четкая правовая основа, тем более в отношении ограничения конституционного права личности.

Подводя итог, следует отметить, что задержание лица по подозрению в совершении преступления, предполагающее ограничение одного из важнейших конституционных прав — права на личную свободу, продолжает оставаться весьма спорным уголовно-процессуальным институтом, несмотря на его интенсивную научную разработку.

Список основных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 17.02.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. О полиции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 7 февр. 2011 г., № 3-ФЗ : в ред. от 29.12.2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)